

Александр Иванович Куприн

Островок

Александр Иванович Куприн

Островок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2545915

Аннотация

«Три года тому назад получил я приглашение на открытие «русской колонии для детей беженцев», устраиваемой С. В. Денисовой и ее младшей дочерью Н. Н. Денисовой в Мэри на Уазе, километрах в двадцати пяти от Парижа. В письме были точно указаны день и час скромного торжества и даже удобнейший поезд из Парижа...»

Александр Иванович Куприн Островок

Три года тому назад получил я приглашение на открытие «русской колонии для детей беженцев», устраиваемой С. В. Денисовой и ее младшей дочерью Н. Н. Денисовой в Мэри на Уазе, километрах в двадцати пяти от Парижа. В письме были точно указаны день и час скромного торжества и даже удобнейший поезд из Парижа.

Но именно в этот-то день я и не мог выехать из Севра, где тогда жил. Не мог по самой прозаической из прозаических эмигрантских причин. О ней легко догадаться, принимая во внимание дорогу от Севра до Мэри и обратно, хотя бы в третьем классе.

А поехать очень хотелось. Об этой колонии я уже много слышал. Признаюсь, почти непреодолимыми казались мне трудности, которые лежали на пути к цели, поставленной перед собою обеими женщинами: выбрать из несчастного беженского месива самых осиротелых, самых нуждающихся, самых заброшенных, самых одичалых детей, приютить их и накормить; согреть и оттаять их души, огрубевшие в страшных условиях революции и гражданской войны; дать им возможно широкое воспитание и образование и, наконец, вы-

пустить их в неласковую, суровую жизнь – крепкими духом, сильными телом, полезными членами общества.

Выбор будущих воспитанников и учеников был сделан С. В. Денисовой, которая сама ездила для этого в Константинополь и в Галлиполи. Впрочем, как тут говорить о выборе, если приходилось подбирать все окончательно обреченное, иногда прямо с улицы? Конечно, дело не обходилось без административных палок в колеса. Официальная благотворительность фыркала на частный почин. Мы, русские, без этого, вероятно, не сможем жить и в загробной жизни...

Сколько нужно было иметь энергии, любви и веры в свое дело, чтобы не бросить его с самого начала. У мужчины непременно опустились бы руки. Надо не забывать тому, кто видел, и уметь вообразить тому, кто не видел, как исковеркала война и революция детские восприимчивые души и какой скорлупой моральной коросты они их облепили. Чего только не перенесли русские дети за эти ужасные годы, чего не насмотрелись их зоркие глаза! Вот передо мною книга, изданная директором русской гимназии А. И. Петровым в Моравской Тржебове (Чехословакия) под заглавием «Воспоминания 500 русских детей». Позвольте мне привести отрывки из этих наивных и страшных детских автобиографий:

– Видел я в одиннадцать лет и расстрелы, и повешение, и утопление, и даже колесование, – пишет один мальчик.

– Я скоро увидел, – говорит другой, – как рубят людей. Папа сказал мне, пойдём, Марк, ты слишком мал, чтобы это

видеть...

– Пришел комиссар, хлопнул себя плеткой по сапогу и сказал: чтобы вас не было в три дня. Так у нас и не стало дома...

– Я видел войну, чуму, голод...

– Настоящей революции у нас не было, а только был грабеж и обыски.

– Закон Божий запретили и так про него выражались, что я стал по вечерам забираться в угол комнаты и читать Евангелие...

– Не видел я в эти годы ни ласки, ни привета и жил совсем-совсем один...

– Отца нашего расстреляли, брата убили, зять сам застрелился...

– Мать, брата и сестру убили...

– Отца убили, мать замучили голодом.

– И умер наш папа, и стали мы есть гнилую картошку.

– Это было время, когда кто-то всегда кричал уа, кто-то плакал, а по городу носился трупный запах.

– Умер папа, в больницу не пустили, и стала наша семья пропадать.

– Мы шли через безводные пустыни с уральцами пятьдесят два дня.

– Ездил я по Туре, по Тоболу, Иртышу, Оби, Томи, и всегда мне было очень плохо.

– Мне приходилось тонуть четыре раза.

– Я бродил один и видел, как в одном селе на восьмидесятилетнего священника надели седло и катались на нем. Затем ему выкололи глаза и, наконец, убили.

– И пошли мы, два маленьких мальчика, искать по свету счастья. Да так и скитались пять лет.

– Наша семья такая: мама в Бельгии, брат в Индии, папа неизвестно где, а я здесь.

– Я русский язык забыл совершенно.

Нет сомнения, что каждый из пятидесяти мальчиков, привезенных С. В. Денисовой в Париж, пережил за свое малое существование гораздо больше, чем в нормальных условиях переживают пятьдесят взрослых мужчин.

Боже, спаси и сохрани одиноких детей. Сколько их пало благодаря страху, голоду и развращающим примерам. Детвора больших городов, выброшенная на улицу, лишенная семейного тепла, оставшаяся без дружеской направляющей руки, знающая уже воровство и равнодушная к убийству, знакомая с преждевременными и противоестественными пороками, предающаяся азарту, пьянству и кокаину, – вот они, больные цветы на залитой кровью земле. Но кто возьмется указать: где в падении детской гибкой души положен предел, от которого начинается безвозвратная гибель?

Колония в Мэри на Уазе оказалась счастливой в этом отношении. Со временем состав учеников дошел до пятидесяти трех человек. Но за три с половиною года существования школы всего только двух пришлось удалить за неблагоприят-

ные поступки. Сделано это было по настоянию самих учеников, по их товарищескому суду. Стало быть: или подбор мальчиков случайно оказался добротным по внутренним качествам, или сразу они попали в атмосферу деятельной любви и доброй, незаметно-прочной, но мягкой власти, или, наконец, удачно слились оба условия? Но, тем не менее, своеобразное бытие колонии казалось мне настоящим психологическим и педагогическим чудом, и я все удивлялся, почему об этом исключительном деле я не нахожу ни одной печатной строки?

В самом деле: какой пестрый, странный состав учеников. Большинство – сыновья крестьян и казаков. Тридцать три из них состояли в Добровольческой армии, причем некоторые награждены Георгиевскими крестами, а один – двумя. Возраст (при открытии школы) – от шести до семнадцати лет.

Особенно одного я не могу представить: какими мерами, какими приемами удастся дисциплинировать и руководить этими тридцатью тремя воинами, из которых каждый видел и тиф, и смерть, и кровь, и голод, и зверское упоение победой, и отчаяние отступления, и даже огромную боевую власть? Или уж, правда, так емок человек и так многозвучна его душа? И вот судьба, помешавшая мне видеть первые зеленые побеги колонии, дала мне неделю тому назад случай видеть ее чудесный окончательный расцвет.

Прекрасная автомобильная дорога ведет из Парижа на северо-запад, от Порт-Нейи до Мэри на Уазе. Гудронирован-

ное шоссе, тесно обсаженное с обеих сторон старыми пышными тополями, убегает назад, точно зеленый прохладный коридор. Потом вдруг раскрывается весь горизонт. Налево и направо, куда хватит взор, – густые, волнистые веселые нивы и между ними темные квадраты картофеля. Где-то далеко из края поля торчат черные кустики. Телеграфные проволоки то опускаются, повисают, то взлетают вверх. Ну, право, точно мы едем по просторам Рязанской или Тамбовской губернии.

А там замелькает навстречу глазам деревня. Серые каменные дома под красной черепицей. Белые стены, сплошь увитые плющом. Яблони, груши и сливы перегнулись на улицу тяжелыми кривыми ветвями. Островерхая башенка церкви вдалеке. Разнообразная зелень огородов. И опять простор, и опять пленительный свод тополей над головами. Воздух крепко и сладко напоен запахом деревьев и трав.

Вот мы и в Мэри. Нас встречают у ворот младшие мальчишки. Это – последыши. Их осталось всего пять. Остальные уже вылетели из гнезда на самостоятельную жизнь. Эти пятеро живут еще в колонии, но ходят учиться в коммунальную школу. Окончат ее – и вместе с ними окончится жизнь колонии. Одеты свободно и просто... Белые, английского фасона рубашки с длинными галстуками заправлены в короткие синие штанишки, кушаки ловко стягивают талию. Меня с ними знакомят. Вот – комвод Никита. Круглая рыжая голова низко стриженна, свежее славное лицо все пестрит веснуш-

ками. Сытое воронежское тело крепко сбито. Вот Юра, сын летчика, sentimentalный и нежный мальчик. Вот Коля, художник по призванию. Он охотно показывает мне свой последний рисунок: юноша-всадник в богатырском шишаке, с мечом в руках скачет на невероятно огромном белом коне. Внизу же надпись: «Привадитель шайки разбойникав». Вот Егор, степенный парнишка, любитель сельского хозяйства. Озабоченно сообщает он, что один утенок куда-то пропал и никак его не найти. Вот Имрик, бойкий калмычонок, он идет первым в коммунальной школе. Наконец, Федя. Его отдали в колонию, как в санаторию, после болезни. Он поправился, но, к сожалению всей школы, не хочет толстеть.

До обеда глава школы Б. А. Подгорный показывает нам все хозяйственное обзаведение колонии. Мальчуганы сопровождают нас, веселые и непринужденные, как молодые фокс-терьеры.

Дом – бывший монастырь. И снаружи, и внутри в нем еще сохранился готический стиль. Все чисто и бело. Только дубовые лестницы с широкими перилами и точеными балясинами величественно и резко чернеют. В прежнем рефектуре спальня мальчиков: кровати и столики. У ребятешек теперь общее увлечение: украшать свои столики на манер солидных письменных столов, как у взрослых.

Большое хозяйство. За проволочными загородками множество кур. Откуда-то слышится хрюкающий свиной бас. Внизу, в тенистой ложбинке, копошатся около лужи гуси и

утки. Прибегает коза с выпученными светлыми глазами, ласкается, трется мордой, трясет бородашкой. Гуляют с нами и два длинноногих гусенка.

Степennyй Егор поясняет: «Они с другими гусями не водятся, а только с людьми.

Из рук едят».

Понемногу появляются и старшие, уже окончившие, бывшие ученики. Тут следует привести несколько цифр.

До 1 июля 1924 года в колонии нашли приют шестьдесят четыре мальчика, из которых только четырнадцать имели одного или двоих родителей.

Вот воспитательные итоги:

Один окончил русскую гимназию в Париже. Трое перешли в шестой класс чешской гимназии (Моравская Тржебова), четверо окончили парижскую сапожную школу, трое вышли из этой школы, не докончив учения, трое уехали на родину.

Пребывание остальных (имеющих родителей) носило временный характер.

Но главная, основная масса молодежи – двадцать два человека – прошла обучение в техническо-механической школе Рашель.

Эта замечательная, великолепно оборудованная школа, подготовляющая искусных мастеров высшего порядка, – дело энергии и щедрости Л. М. Розенталя, никогда не устающего широко жертвовать на воспитательные и образователь-

ные цели и уже так много сделавшего для беженских детей. Питомцы колонии обучались в этой школе бесплатно и все время – как приятно это отметить! – шли в первых рядах по успехам. Прошлой зимой министр труда, посетивший школу Рашель, обратил внимание на то, что на почетных досках, куда вносятся имена отличнейших учеников, чересчур много фамилий – целых десять – кончается на «ов». «Это кто такие?» – спросил министр. Ему объяснили: русские. «Гм... – сказал министр, – мне будет приятно, если к следующему моему приезду будет на доске такое же количество учеников-французов». А присутствовавший при визите министра Л. М. Розенталь сказал на это: «Им стоит только последовать примеру русских».

Руководители школы мне рассказывали о том, что самым тяжелым испытанием для их молодежи были именно эти годы технической подготовки. Мальчикам приходилось вставать в пять с половиной часов утра. Наскоро попив чая и закусив, они ехали по железной дороге, оттуда по метро в школу. Возвращались в Мэри очень поздно и, едва успев поужинать, ложились спать. Железную дорогу оплачивала администрация школы; на завтрак в городе и на метро выдавалось на руки каждому по четыре франка. Молодым людям приходилось недосыпать и есть как бы на ходу. Однако из двадцати двух ни один не упал духом, не пропускал уроков, не отлынивал под видом болезни. Знал, что учиться необходимо. Кроме этих двадцати двух, шестеро окончили школу

Рашель, а один еще учился там.

Зато теперь все двадцать два очень хорошо устроились. Каждый из них вырабатывает около тысячи франков в месяц. Живут они в Париже, большей частью по два в одной комнате, но уже ясно замечается стремление к отдельной, самостоятельной жизни.

Хозяева мастерских и заводов, где работают русские юноши, чрезвычайно довольны ими: работа чистая и всегда к сроку, но и кроме того: русские и понятливее, и чистоплотнее, и вежливее французских сверстников. Нет. Я никогда не перестану подолгу останавливаться перед такими явлениями – как будто бы незначительными, но свидетельствующими о разносторонних способностях моих соотечественников.

С этой молодежью я знакомлюсь в саду и в светлых просторных коридорах бывшего монастыря. Все они одеты тщательно. У дам целуют ручки, мужчин приветствуют крепкими, открытыми рукопожатиями. Очень милы калмыки с их шафранными лицами, с их узко и вкось прорезанными темными глазами молодых Будд. Они даже франтоваты. У одного синий костюм, и при нем все сине-белое: галстук, платочек, чулки. Калмыки носят одежду с каким-то инстинктивным изяществом. Не потому ли, что все они в сотнях поколений прирожденные всадники? Ведь лошадь всегда учит человека красоте и ловкости движения.

Но что мне сразу бросилось в глаза и что мне больше всего понравилось у этой еще совсем зеленой молодежи – так это

ее привычное отношение к старшим: совершенно свободное, но без малейшей тени развязности, непринужденное, но без ломания. Ни одного искательного движения, ни одной заранее соглашательской улыбки. Точно все они охотно предпочитают серьезную или веселую простоту.

И при том: как все они открыто, прямо и подолгу глядят в глаза, и у них самих такие ясные и твердые глаза! Да, здесь в отношениях господствует полнейшее взаимное доверие, ибо одна сторона не требует и не ищет никакой благодарности, а другой стороне так легко и приятно быть независимо услужливой и инстинктивно деликатной.

То же самое бессознательное душевное изящество и самоуважение я наблюдал десять лет тому назад у раненых солдат, для которых мои – жена и дочь – открыли в Гатчине лазарет – самый маленький – всего на десять человек. Однако в этом лазарете перебивали одновременно около ста человек. И у всех у них были тот же чистый взгляд, то же плотноежатие руки и та же прочная дружба в серьезных, кратких словах.

Нас приглашают обедать. Тут только я узнаю, что это не руководители школы угощают своих бывших питомцев, нет, – они, разбросанные по всему Парижу, сговорились действовать в последнее воскресенье банкетом своих бывших наставников и руководителей.

Очень веселый банкет. Меню: борщ, мясо со стручками и картофелем, салат-латук с огурцами, напитки – вода «Ви-

тель» и столовое вино для взрослых. Служат сами мальчики. Под конец один юноша читает по тетрадке речь, написанную карандашом. Хорошо читает и громко, но кое-где сам не разбирает своего почерка.

«Простите, тут я отбился... А, мы употребим все свои молодые могучие силы на служение дорогой родине!» Тост за основателей школы.

Тосты за учителей, за воспитателей, за маленького тихонького инструктора работ.

И как же оглушительно кричат ура эти сорок молодых глоток! А в глазах пожилых людей я видел какой-то не совсем обычный блеск.

Потом поют хором чудесные донские песни: «При звонком табуне», «Поехал казак», «Вдоль да по речке». И еще старинную величавую песню – «Черных гусар». Качают учителей; у меня сердце холодеет и скачет: так низки потолки.

И это еще не конец. Выходим на воздух, садимся на траву. Под нами круглая, убитая и посыпанная песком площадка. Воспитатель, полковник, с видом хорошо тренированного спортсмена выставил юношей в две шеренги. «Направо! Ряды вдвой! Шагом марш!» Впереди идет мальчик-горнист и играет на рожке древний пехотный марш – «Козу», или иначе – «Машенька гуляла». Замолчал – начинают песенники. И опять, какая старина!

Как были походы,

Я трубочку берег,
Месяцы и годы
Прятал за сапог.

Импровизированное учение занимает всего пять минут.
«Стой! Налево! В ряды стройся! Смирно!»

И вдруг – нечто совсем для меня неожиданное и сладко потрясающее: полковник негромко, но четким голосом бросает взводу:

– Будьте здоровы!

А в ответ ему дружное:

– Да здравствует Россия!

И тотчас же без перерыва – бум! – взлетает свечкой выше деревьев футбольный мяч, и закипела, завертелась игра. Не оторвешься.

* * *

Еду обратно в молчании. Глаза, уши и сердце насыщены. Думаю потихоньку. Как это люди смеют говорить: «Погибла Россия, народ русский тоже погиб. Ни крестьянин, ни интеллигент никуда не годятся. Молодое поколение безнадежно развращено...» А вот оно, малое русское зерно, зацепилось в своем бурном стихийном полете за кусочек, щепотку родной земли – и погляди, как мило, просто и радостно расцвело. Ах, живуча, живуча моя родина, и много в ней сокровенных

добрых сил. И если здесь, в изгнании, не видим многочисленных примеров русской мощи и доброты, русского ума и таланта, а еще больше – любви к родине, то значит – просто – не хотим видеть или смотрим не туда, куда надо.